

Москва Театр "Царь-цыно"

И ВЕЧНЫЙ БОИ...

Начавшийся в "Культуре" от 28 августа разговор о непростых взаимоотношениях директора и главного режиссера на театре ("Кто сядет в кресло лидера?" и "Две головы дракона"), многих задел за живое. Проблема по-прежнему остра и мучительна, организационно-экономические вопросы тесно переплетаются с этическими.

На "первый — второй" рассчитайся

Два мальчика дерутся в ложе для почетных гостей. "Мой папа тут самый главный! Он всеми артистами командует!" — кричит сын главрежа. А другой в ответ: "Нет, мой главнее всех, он тут директор, он все их бумажки подписывает!" Эту подсмотренную в жизни историю рассказал Владимир Максимович директор Московского областного театра (Московского театра "Царь-цыно"). Главный режиссер этого театра Александр Каневский задумал большую и сложную программу развития на ближайшие годы: постановки классики, экспериментальные спектакли на Малой сцене, сотрудничество с центрами культуры в Подмосковье, цикл спектаклей, поставленных молодыми режиссерами и дипломниками режиссерских факультетов. Надо ли доказывать, что такая программа требует слаженности и единства в работе руководителей театра. Их размышления на эту тему сложились в своеобразный диалог директора и главного режиссера.

В.Максимович: Я согласен о саратовском режиссером А.Дзюкуном: театром должен руководить кто-то один. И не так важно, кто: режиссер, директор ли, может быть, это окажется актер или критик. Главное, это понимающий в театре и в экономике человек. Он и подбирает себе команду. Важно, чтобы юридические эти взаимоотношения были точно определены и прописаны в законе.

А.Каневский: По-моему, дело не в организационных схемах. Могут быть и два руководителя, и один. Все зависит от их темперамента и способности к конструктивному сотрудничеству. Не думаю, что именно закон должен регулировать эти отношения. Для меня идеальная схема со-

стоит в точном распределении обязанностей: директор отвечает за финансово-хозяйственную деятельность, а главный режиссер — за художественную часть, за творческий процесс. И эта схема неплоха, если люди умеют идти на компромисс. Помнится, я так и не поладил с моим первым директором в Красноярском театре. Но схема тут ни при чем — прежде всего сказалась моя неопытность.

В.Максимович: А у меня в свое время не сложились отношения с главрежем в Орле, я ушел. Так что победить может и директор, и главреж. Только кому нужны такие победы? Я все же склонен принять тип руководства знаменитой итальянской "Ла Скала": некто отвечает за общую линию работы коллектива. И приглашает тех, кто обеспечивает четкое выполнение обязанностей по направлениям деятельности. Этот некто может называться худруком, антрепренером, импрасарио. Неважно! Это руководитель, создающий эффективную команду. При этом надо точно закрепить в законе обязательства того, кто учреждает театр или владеет им. Как это было в дореволюционной России в системе императорских театров или в договорах между городскими управами и стацио-

нарными антрепризами.

А.Каневский: Многов определяется тем, что внутри нас. Я человек не схемы, а системы. И та, древняя, система отношений все еще на меня влияет. Мне сейчас мешает оставшаяся от прежних времен некая иллюзия по поводу отношения государства к театру, к искусству, к культуре. Я все еще не могу поверить, что государство не поддержит людей культуры.

В.Максимович: Но внешние условия — это же реальная жизнь театра! Они все равно всегда неудобны для нашего творчества, даже при самых идеальных социальных отношениях.

А.Каневский: Вот я и приучаю себя больше учитывать переменную во вкусах. Искать, какой тип зрелища, какой стиль, жанр более увлекают публику. Приходится думать и о кассе, а не только о чистом искусстве.

В.Максимович: В нашем театре я по творческим вопросам всегда отступаю перед главным режиссером. Но от возможных конфликтов это не гарантирует. Театр — вообще всегда конфликтная ситуация.

А.Каневский: Невозможно сделать даже самую малость, если каждый будет отстаивать только свое мнение и не учитывать позицию других. В театре мы все очень зависим друг от друга. Наверное, закон и юридические нормы должны меняться именно в эту сторону: обеспечивая условия для работы, помогать укреплению человеческих отношений, а не способствовать унижению одного человека другим. Мы вспоминаем более гибкую, более разумную, как нам сейчас кажется, систему отношений в дореволюционной антрепризе и в императорских театрах. Но надо же учитывать, что она сложилась тогда, когда еще не было режиссуры современного типа. Наше время и та эпоха, что наступит за ним, возможно, потребуют новых законов. Главное, чтобы при этом этика взаимоотношений и человеческое достоинство не оказались за бортом — как уже не раз бывало в нашей истории.



— Рисунок А.ШАХГЕЛДЯНА